

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-108>

УДК 808.51

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОМПОЗИЦИИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А.Ф. КОНИ

И.В. Пекарская (Абакан, Россия)

Е.А. Шпомер (Абакан, Россия)

Аннотация

Статья посвящена описанию лингвоперсонологической специфики композиции обвинительных речей знаменитого судебного оратора А.Ф. Кони. Актуальность рассматриваемой проблемы связана с тем, что познание именно этого рода красноречия помогает молодым специалистам приобрести необходимые знания в создании защитных или обвинительных воздействующих речей.

Целью настоящей статьи является представление попытки выявления и сравнения особенностей композиционной организации судебных обвинительных речей названного оратора.

Сегодня активно развиваются такие дисциплины, как лингвоперсонология, прагмалингвистика, психолингвистика, поэтому многие исследователи обращают внимание на языковые и коммуникативные личности, в том числе имеются работы, посвященные изучению речей А.Ф. Кони (Л.И. Тимофеева, З.В. Баишева, О.В. Демидов, С.А. Колесников и др.). Однако в данных научных трудах наблюдается лишь лингвостилистический анализ отдельно взятых выступлений или описание особенностей нарратива. В настоящей же статье представлен сравнительный анализ композиции двух прагматически значимых речей А.Ф. Кони, который проводился в рамках описательного метода во всех его реализациях.

Анализ показал, что, несмотря на различия в построении двух обвинительных речей, оба выступления отличаются безупречной логичностью изложения, убедительной и тщательно продуманной аргументацией, построенной на объективном рассмотрении доказательств и мастерском анализе психологического состояния участников процессов.

Ключевые слова: лингвоперсонология, судебный дискурс, обвинительная речь, воздействие, композиция.

Постановка проблемы. Изучение судебной риторики представляется актуальным сегодня, так как познание именно этого рода красноречия помогает молодым специалистам приобрести необходимые знания в создании защитных или обвинительных воздействующих речей. Нельзя не согласиться с Цицероном: чтобы человек мог развиваться профессионально, ему нужно «указать образец для подражания, и пусть начинающий всеми силами стремится уловить все лучшее, что есть в этом образце» [цит. по: Аристотель, 1998, с. 762].

Сегодня активно развиваются такие дисциплины, как лингвоперсонология, прагмалингвистика, психолингвистика, поэтому многие исследователи обращают внимание на языковые и коммуникативные личности, в том числе имеются работы, посвященные изучению речей А.Ф. Кони (см., например, [Тимофеева, 2015; Баишева, 2004а; 2004б; 2007; 2010; Демидов, 1999; Князькова, 2007;

Колесников, 2015; 2016; 2018; Плотникова, 2001; Катышев, Князькова, 2006; Артемова, 2008]). Однако в данных научных трудах наблюдается лишь лингвостилистический анализ отдельно взятых выступлений или описание особенностей нарратива.

Целью настоящей статьи является представление попытки выявления и сравнения особенностей композиционной организации судебных обвинительных речей «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова» знаменитого оратора XIX в. А.Ф. Кони, чьи выступления до сих пор являются эталоном эффективного и воздействующего на публику слова. Выбор указанных речей обусловлен тем, что, несмотря на практически совпадающие временные рамки, они отличаются композиционно в связи с различными коммуникативными ситуациями, в которых произносились. Речи ярко характеризуют отношение оратора как к личностям подсудимых, так и к условиям, которые подтолкнули их к совершению преступления.

Методология. Анализ речей проводился в рамках описательного метода во всех его реализациях: наблюдение с целью сбора материала, связанного со спецификой композиции обвинительных речей А.Ф. Кони, обобщение (анализ, синтез) для выявления сходств и различий в композиции анализируемых речей, интерпретация текстов судебного дискурса для фиксации особенностей лингвоперсонологического представления авторской позиции.

Нельзя не согласиться с З.В. Баишевой в том, что «А.Ф. Кони воплощает в себе все черты судебного оратора, соответствующего русскому речевому идеалу» [Баишева, 2007, с. 4]», представляя собой объективную, компетентную, эрудированную языковую личность, мастерски владеющую всем коммуникативным потенциалом воздействия.

Представим композиционные анализы речей «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова», а далее – их сравнительную характеристику.

Результаты исследования

Композиционный анализ речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем». Речь состоит из трех традиционных частей (вступления, основной части и заключения).

Вступление, будучи лаконичным (7 предложений), начинается с обращения к судьям и присяжным с целью установить с ними контакт и привлечь их внимание. А.Ф. Кони, по нашему мнению, выбирает искусственное начало, так как во вступлении затрагивает философский вопрос, напрямую не связанный с основной темой: оратор говорит о делах разной сложности, которые приходится рассматривать суду. Одни из них – простые, так как все участники процесса искренни в своих показаниях, следовательно, истину установить достаточно легко. Другие – сложные из-за путаных, туманных, противоречивых сведений, предоставляемых свидетелями, которые сознательно недоговаривают и уклоняются

от прямого ответа. Далее А.Ф. Кони обосновывает смысловую связь между этим вступлением и основной частью речи, отмечая, что рассматриваемое дело, без сомнения, относится ко второй категории и потребует от судей беспристрастного и внимательного анализа каждой детали.

Основная часть объемна, так как А.Ф. Кони детально анализирует каждый факт, стараясь не упустить даже самый на первый взгляд незначительный, ведь именно он может опровергнуть позицию оппонента. Поэтому, по справедливому замечанию З.В. Баишевой, его выступления являются, как правило, объемными, но не содержащими ничего лишнего [Баишева, 2006, с. 103]. К.К. Арсеньев также в свое время говорил об умении А.Ф. Кони последовательно анализировать все имеющиеся в деле факты ради нахождения истины [Арсеньев, 1992, с. 7].

Подобное последовательное построение речи является показателем ее принадлежности к русской риторике, а именно стратегии «накапливания», о которой Г.Г. Хазагеров и Е.Е. Корнилова пишут следующее: «Подходя к теме с разных сторон, используя разные виды доводов, демонстрируя собственную уверенность и не обнаруживая излишней суетности, оратор постепенно наращивает уверенность в правильности защищаемой им модели» [Хазагеров, Корнилова, 2018, с. 116].

В основной части речи А.Ф. Кони освещает следующие аспекты.

1. *Изложение фактических обстоятельств дела.* Основную часть обвинительной речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» оратор начинает следующим образом: «Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности» [Кони, 1989, с. 49]. Однако далее он коротко информирует слушателей о случившемся: банщик Емельянов вскоре после свадьбы избил студента и был арестован. На следующий день тело его жены было найдено в реке Ждановке. Помощник пристава решил, что это было самоубийство из-за поступка мужа, поэтому уголовное дело заводить не стали. Но вскоре среди жителей стали распространяться слухи о том, что именно Емельянов убил свою жену, и основу этим слухам положила Аграфена Сурина.

А.Ф. Кони подчеркивает важность показаний Суриной, сопровождая свое высказывание *оценкой личности ключевой свидетельницы*: «<...> личность ее не производит симпатичного впечатления и <...> вне обстоятельств дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие» [Кони, 1989, с. 49]. Несмотря на это, оратор считает, что отрицательное впечатление от Суриной не должно помешать присутствующим вычленив из ее показаний существенные детали, которые помогут выяснить истину.

2. *Анализ и оценка доказательств* начинается с определения достоверности показаний А. Суриной. При этом А.Ф. Кони ставит перед аудиторией еще один вопрос о том, какие показания могут считаться достоверными, а какие ложными. Рассуждая, он приходит к выводу о том, что истинными будут те свидетельства, которые даны не по принуждению и без стремления сознательно навредить кому-либо, а также подкрепляются обстоятельствами дела.

Далее оратор поочередно и достаточно подробно рассматривает каждый факт, каждое свидетельское показание, выделяя ряд «условий» виновности Емельянова. Причем следует отметить, что при аргументации А.Ф. Кони активно использует вопросно-ответный ход, начиная характеристику большинства условий именно с него: «Существует ли первое условие в показаниях Аграфены Суриной?»; «Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его?»; «подтверждается ли [показание] бытовою обстановкою действующих лиц?»; «Как же тут утопиться?»; «Но, может быть, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый?»; «Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство?». Вопросно-ответный ход является эффективным приемом и помогает оратору убедить слушателей в правильности своей точки зрения, имитируя включенность аудитории в общение, создавая впечатление того, что присутствующие рассуждают вместе с оратором.

Еще одним видом аргументации, часто применяемом А.Ф. Кони в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» является доказательство от противного: оратор заявляет тезис и доказывает его несостоятельность. Например: «Нам могут возразить против показаний Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих могущих быть возражений» [Кони, 1989, с. 55]. Далее оратор убедительно доказывает ложность этой позиции, основываясь на точных измерительных данных («9 шагов», «под углом 45°», «через 25 минут по выходе из дома и минут через 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной», «человек может задохнуться в течение двух-трех минут»), логических умозаключениях («природа сама выстирает платье утопленницы», «В воду “бросаются”, а не ищут такого места, где бы надо было “входить” в воду, почти как по ступенькам»), противоречиях в показаниях свидетелей («один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит – босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой – в чуйке»). Подобным образом А.Ф. Кони анализирует каждое условие виновности Емельянова в убийстве жены и убеждает аудиторию в своей правоте.

В рамках блока «анализ и оценка доказательств» в анализируемой речи наблюдается присутствие четырех типов убеждения: информирование (объективно освещаются произошедшие события), разъяснение (как повествование, так и рассуждение), доказательство (детальный анализ всех фактов, показывающий несомненную правильность позиции обвинения), опровержение (ложных показаний подсудимого).

3. *Основание правовой квалификации* как отдельный блок в речи отсутствует, данную информацию мы находим в двух предложениях, завершающих основную часть речи: «<...> обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил» [Кони, 1989, с. 62].

4. Сведения о личности (подсудимого, пострадавшей, свидетельницы) расположены в середине речи, в рамках блока «Анализ и оценка доказательств», так как в данном случае характеристика личностей участников процесса является доказательством вины подсудимого.

Сначала А.Ф. Кони описывает личность Емельянова и аморальный образ жизни, который он вел с 16 лет, став банщиком: «средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям»; «его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти»; «Характер твердый, решительный, смелый» «с товарищами живет <...> не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился»; «никому спускать не любит»; «человек, не очень останавливающийся в своих порывах»; «не особенно нежный»; «обращавшийся со своею любовницею “как палач”»; «человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный». Данная детальная характеристика личности подсудимого помогает аудитории составить представление об этом человеке и предположить, на какие деяния он способен.

А.Ф. Кони, подводя итог описанию характера Емельянова, замечает, что «это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но разившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих начал дать не могла». Эта ремарка может быть включена в следующий блок судебной речи, а именно в 5-й.

5. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления. Далее оратор характеризует личности Емельяновой и Суриной, строя свое высказывание на их противопоставлении: Емельянова – «невысокого роста, толстая, белокурая, флегматичная, молчаливая и терпеливая <...> тихая, покорная, вялая и скучная»; Сурина – «бойка <...> за словом в карман не лезет <...>, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы». Этим сравнением двух женщин, столь различных как во внешности, так и в типе темперамента, А.Ф. Кони показывает, почему Емельянов, будучи сильным и решительным человеком, испытал желание избавиться от скучной жены ради Суриной.

Следует отметить, что в анализируемой речи блоки «Сведения о личности» и «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» тесно переплетены: описывая личности подсудимого, пострадавшей и свидетельницы, А.Ф. Кони доказывает, что именно их качества характера подталкивают Емельянова к совершению преступления.

6. Мнение о мере наказания содержится в последнем предложении, завершающем речь: «<...> подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый чем тот, который он сам произнес над своею женою». Это значит, что А.Ф. Кони просит не смертной казни для Емельянова, а длительного тюремного заключения. Отметим, что присяжные вынесли обвинительный приговор, осужденный был лишен всех прав и на восемь лет отправлен на каторгу.

Заключение речи, как и вступление, лаконично (4 предложения). В нем оратор вновь отмечает сложность данного дела (таким образом, можно говорить о кольцевой композиции речи), дает отрицательную оценку действиям Емельянова и выражает уверенность в том, что присяжные вынесут строгий и справедливый приговор.

Таким образом, речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» трехчастна, однако имеет некоторые отклонения от стандартного расположения материала в основной части судебной речи: «Основание правовой квалификации» кратко представлено в заключении речи; блоки «Сведения о личности» и «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» контаминируются и продолжают друг друга.

Вся аргументация односторонняя, оратор не освещает слабые моменты позиции, которую предлагает, так как уверен в ее правильности и справедливости.

А.Ф. Кони при доказывании своей позиции использует все три вида аргументации: логос (убеждение с помощью точных данных, логических умозаключений), этос (отвержение, осуждение «дела ужасного», которое совершил Емельянов) и пафос (апелляция к эмоциям слушателей с помощью вопросно-ответных ходов, обращений, оценочных высказываний).

Композиционный анализ речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова». Речь «По делу об убийстве статского советника Рыжова» [Кони, 1967, с. 108–134] имеет трехчастную композицию: вступление, основную часть и заключение.

Вступление короткое (4 предложения), начинается с обращения к судьям и присяжным (для установления с ними контакта) и посвящено слежующему. «*Изложение фактических обстоятельств дела*»: оратор напоминает присутствующим о том, что, где и когда произошло. Таким образом, начало данной речи является естественным. Однако А.Ф. Кони вносит во вступление эмоции, акцентируя внимание аудитории на том, что четверо детей осиротели после убийства отца близким семье человеком.

1. *Изложение фактических обстоятельств дела* продолжается в основной части речи, открывая ее. Оратор подчеркивает, что существенные обстоятельства рассматриваемого преступления просты, поэтому он не считает нужным обращаться к ним снова, но есть важные детали («побочные обстоятельства»), на которые нужно обратить пристальное внимание, так как они «заслоняют простые и ясные очертания» дела, осложняя его. Этот блок завершается перечислением трех ключевых моментов в позиции защиты, которые А.Ф. Кони собирается опровергать в своей речи, так как они ложны: во-первых, попытку выдать подсудимого Шляхтина за человека, не владеющего собой («большого»); во-вторых, стремление адвоката заставить присяжных усомниться в правдивости показаний трех главных свидетельниц (жены погибшего, воспитательницы детей и кормилицы); в-третьих, намеренное уничтожение личности убитого в желании представить его аморальным человеком).

2. *Анализ и оценка доказательств.* Данный блок представляет собой детальный разбор показаний трех ключевых свидетельниц, причем А.Ф. Кони сразу отмечает различие в их эмоциональном состоянии, что объясняет некоторую несхожесть в восприятии ситуации.

Поведение вдовы естественно, слова ее могут показаться чересчур трагичными и наигранными, но, по мнению оратора, женщина, «совершенно растерзанная и убитая горем, вся целиком поглощенная несчастьем, ее постигшим» [Кони, 1967, с. 110], именно так и должна себя вести, поэтому он всецело доверяет ее показаниям. А.Ф. Кони выдвигает тезис о том, что «положение ее поистине ужасно» [Кони, 1967, с. 110]. Далее следует ряд аргументов, доказывающих его: во-первых, со смертью мужа женщина лишилась единственной поддержки и будет вынуждена воспитывать четверых детей в одиночку; во-вторых, убийцей оказался ее брат, поэтому вдова оказалась перед нелегким выбором между памятью о муже и сохранением жизни брата. Причем А.Ф. Кони предлагает присяжным поставить себя на место Рыжовой и предположить свое поведение в сложившейся ситуации. Оба этих аргумента, по нашему мнению, относятся к пафосу, так как они формируют эмоциональный настрой аудитории.

Истинность показаний Гора, воспитательницы детей, по мнению А.Ф. Кони, тоже не вызывает сомнений, хотя защита хочет представить их в качестве ложных и данных по сговору с вдовой. Более того, адвокат настаивает на том, что Гора, испытывая неприязнь к Шляхтину, намеренно старается его очернить. А.Ф. Кони логично опровергает оба данных тезиса: во-первых, женщина не была близка семье, поэтому «безучастно относится к произошедшему» [Кони, 1967, с. 110], кроме того, она не поменяла показаний, полученных от нее сразу после преступления; во-вторых, плохие отношения со Шляхтиным не помешали Горе бесплатно заниматься с его ребенком, «она работала даром» [Кони, 1967, с. 119–120]. Не может быть причиной к желанию отомстить Шляхтину и оскорбленное самолюбие воспитательницы, так как, по замечанию оратора, гувернантки в России в силу профессии привыкают к оскорблениям и презрительному отношению. А.Ф. Кони опровергает и тезис защиты о том, что Гора могла оклеветать Шляхтина, так как применяет по отношению к детям телесное наказание. Это, по мнению оратора, может быть свидетельством того, что она не профессионал своего дела, но совершенно не имеет отношения к рассматриваемому преступлению. Данная цепочка логических умозаключений (логос) убеждает аудиторию в том, что показания воспитательницы правдивы.

Анализ показаний Прокофьевой является самым лаконичным: А.Ф. Кони лишь утверждает, что она полностью подтверждает слова двух других свидетельниц и ей нельзя не верить вследствие того, что по характеру кормилица простодушна, наивна и проста (пафос).

Далее А.Ф. Кони переходит к следующему блоку.

3. *Сведения о личности потерпевшего и подсудимого.* Он характеризует Рыжова, затем Шляхтина.

Говоря о Рыжове, оратор подчеркивает, что показания всех свидетелей подтверждают нравственную чистоту его личности. А.Ф. Кони с легкостью ставит под сомнение слова Лохвицкого, который утверждает, что Рыжов «был человек очень пристрастный к женщинам» [Кони, 1967, с. 122]. Во-первых, Лохницкий не уточняет, когда Рыжов вел себя подобным образом (до или после свадьбы) (логос); во-вторых, А.Ф. Кони выражает уверенность в том, что даже если подобные минутные увлечения имели место, это не лишает «его права на уважение», не делает его «неспособным на благородные и нравственные поступки» [Кони, 1967, с. 114] (наблюдается явное одобрение действий Рыжова со стороны оратора – этос).

А.Ф. Кони опровергает и мнение Лохвицкого о том, что Рыжов «искал с охотой командировок» [Кони, 1967, с.122], желая меньше находиться в кругу семьи и исполнять свои обязанности. Аргументируя свои слова, оратор вновь обращается к логосу – подчеркивает, что Лохницкий не знаком с сущностью профессии чиновника особых поручений Министерства государственных имуществ, которая требовала от Рыжова «постоянных разъездов и ревизий опытных и сведущих лиц» [Кони, 1967, с. 123]. Далее логос сменяется на пафос: оратор акцентирует внимание на том, что такой энергичный, деятельный человек, как Рыжов, не мог оставаться в стороне и испытывал желание приносить пользу обществу своей деятельностью.

Подводя итог, А.Ф. Кони дает следующую характеристику потерпевшему: глубоко честный, справедливый, строгий (как к себе, так и к окружающим), искренний, готовый к самопожертвованию. Все это, без сомнения, является достоинствами. Резкость, грубость и вспыльчивость Рыжова оратор объясняет его смелостью, настойчивостью и желанием всегда говорить людям правду (даже тем, кто выше него по социальному статусу).

Характеризуя Шляхтина, А.Ф. Кони ссылается на показания экспертов и считает их точными, научными, не вызывающими сомнений. Проведенные экспертизы показали, что подсудимый – нервный, раздражительный, впечатлительный, однако «владеющий здравым смыслом», «обыкновенный», «нормальный» [Кони, 1967, с. 123]. Данный тезис оратор аргументирует размышлением о различии в душевном состоянии городских и деревенских жителей, утверждая следующее: «У всех нас нервы не в порядке, у всех они натянуты, как струны, и звучат сильнее, нежели у жителей деревни, близких к природе» [Кони, 1967, с. 124]. Утверждение о том, что Шляхтина к преступлению подтолкнуло его нервное состояние, по мнению А.Ф. Кони, не может служить оправданием его поступка, ведь городской житель всегда более скептичен и склонен к анализу, чем деревенский, а данные приобретенные качества характера помогают горожанам «охлаждать порывы» (логос + пафос [частотное употребление личного местоимения «мы» заставляет аудиторию «спроектировать» ситуацию на себя и согласиться с мнением оратора]).

Далее А.Ф. Кони предполагает, что защита может ему возразить, указав на подавленный вид Шляхтина после убийства. Однако оратор уверен в том, что подобное душевное состояние является не оправданием, а лишь основанием «видеть в Шляхтине человека, еще не погибшего нравственно, а лишь падшего» [Кони, 1967, с. 125], но, без сомнения, здорового, почувствовавшего страх от содеянного (пафос [формирование эмоционального настроения аудитории] + этос [моральная оценка поведения подсудимого]). Внутреннее раскаяние, по мнению А.Ф. Кони, может служить основанием для смягчения приговора.

4. *Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления.* Начинается с вопроса «Что же за преступление совершено Шляхтиным и чем можно объяснить его?» [Кони, 1967, с. 126]. Главными причинами, заставившими Шляхтина пойти на убийство, по мнению А.Ф. Кони, являются характер подсудимого и его положение в обществе – «неслужащий дворянин, проживающий без дела в деревне отца, не имеющий определенного общественного положения, но уже обзаведшийся семейством, человек нервный, болезненный, до крайности самолюбивый, и тем более самолюбивый, чем незначительней и неопределенней его положение в общественной жизни» [Кони, 1967, с. 126–127]. Именно эти обстоятельства заставили Шляхтина почувствовать гнев и уязвленность тогда, когда его сестра (Рыжова) и ее муж начали указывать на его аморальный образ жизни (вступив в связь с девушкой, живущей в доме Рыжовых, не желал жениться). А.Ф. Кони красочно и в деталях описывает сложившуюся в доме ситуацию и моральное состояние всех членов семейства, что, без сомнения, формирует у слушателей негативное отношение к Шляхтину и чувство сожаления и сострадания к Рыжовым (пафос).

В итоге оратор называет внешние и внутренние причины, побудившие Шляхтина убить Рыжова. Внешние состоят в том, что подсудимый понял, что сестра и ее муж намерены заставить его отвечать за свои поступки и жениться на Дмитриевой, чтобы оправдаться в глазах общества (аргумент-этнос). Внутренние (более сильные) заключаются в том, что чрезмерно самолюбивый Шляхтин столкнулся с «честною, правдивою, строгою и резкою» [Кони, 1967, с. 129] личностью [Рыжовым], которая осуждала его и, имея нравственное преимущество, вызывала в нем необходимость оправдываться (пафос).

Условием, способствовавшим совершению преступления, стала личная встреча Шляхтина с Рыжовым в доме последнего. Хозяин дома высказывал неуважение, «гордился своей правотою» [Кони, 1967, с. 130], чем заставил шурина достать пистолет. Гнев Рыжова по поводу неприемлемого поведения родственника еще больше усилил ненависть Шляхтина, который в конце концов убил зятя. Желая повысить уровень эмоциональности, А.Ф. Кони подчеркивает тот факт, что после выстрела подсудимый «не закричал от ужаса, не бросился к сестре, которая была также убита им нравственно, как физически был убит муж ее, не стал кричать о помощи в отчаянии от того, что сделал, не желая <...> напротив, весь в тумане, навеянном гневом <...> выбежал на улицу и только там оценил, что совершил» [Кони, 1967, с. 131] (пафос).

5. *Основание правовой квалификации содеянного*. Блок, в котором А.Ф. Кони утверждает, что преступление было совершено «в состоянии крайнего раздражения» [Кони, 1967, с. 132], что может свидетельствовать о его непреднамеренности. Однако оратор уверен в том, что убийство было осознанным и имело целью отомстить ненавистному человеку.

Заключение речи состоит из 7 предложений и включает в себя обращение к присяжным с просьбой вынести справедливый приговор, который будет «удовлетворять нравственному чувству людей» [Кони, 1967, с. 133] (этос). Кроме того, А.Ф. Кони прогнозирует трудное сиротское будущее для детей Рыжова, которых может утешить факт того, что близкий человек, лишивший их отца, был справедливо осужден и искупил свою вину (*б. Мнение о мере наказания* – тюремное заключение).

По нашему мнению, оратор использует кольцевую композицию – и во вступлении, и в заключении А.Ф. Кони эмоционально говорит об осиротевшем несчастном семействе, отец которого был убит близким и обязанным ему человеком, что помогает напомнить аудитории главную мысль речи. В итоге Шляхтин был признан присяжными виновным, но заслуживающим снисхождения.

Сравнивая композицию речей «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова», можно выявить как сходства, так и различия.

Сходства заключаются, во-первых, в трехчастной кольцевой композиции текста; во-вторых, в лаконичности вступления (причем оба начинаются с обращения к суду и присяжным) и заключения (речи также заканчиваются обращением к присяжным и выражением надежды на справедливый приговор), в-третьих, в объемности основной части речи, которая посвящена детальному анализу всех фактов; в-четвертых, в специфике аргументации (односторонняя аргументация через логос, этос и пафос); в-пятых, в расположении блока «Мнение о мере наказания» (завершает речь).

Различия в композиции речей следующие:

1) вступление речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» искусственное (оратор ставит философский вопрос, на первый взгляд не связанный с темой), «По делу об убийстве статского советника Рыжова» – естественное (А.Ф. Кони после обращения к суду и присяжным сразу переходит к изложению фактических обстоятельств дела);

2) в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» первый блок «Изложение фактических обстоятельств дела» включает в себя оценку личности Суриной для того, чтобы подчеркнуть важность ее показаний и предостеречь аудиторию от влияния сложившегося у них негативного впечатления от данной свидетельницы на вычленение из ее речи существенных для дела моментов.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» данный блок начинается во вступлении и продолжается в первом абзаце основной части, в кото-

ром оратор перечисляет три ключевых момента в позиции защиты, которые он собирается опровергать в своей речи;

3) в блоке «Анализ и оценка доказательств» в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» А.Ф. Кони анализирует факты, свидетельствующие о виновности Емельянова, называя их «условиями»; в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» оратор детально разбирает показания трех ключевых свидетельниц и оценивает их достоверность;

4) в блоке «Сведения о личности» в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» А.Ф. Кони характеризует Емельянова (подсудимого), Емельянову (потерпевшую), Сурина (свидетельницу), так как именно эти три фигуры являются ключевыми в данном деле.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» в данный блок входят характеристики лишь Рыжова (потерпевшего) и Шляхтина (подсудимого), так как оратор хочет показать присутствующим несхожесть характеров двух мужчин, которая стала одной из причин убийства. Личности главных свидетельниц кратко охарактеризованы А.Ф. Кони в предыдущем блоке;

5) в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» блоки «Сведения о личности» и «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» тесно переплетены: описывая личности подсудимого, пострадавшей и свидетельницы, А.Ф. Кони доказывает, что именно их качества характера подталкивают Емельянова к совершению преступления.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» между данными блоками четко видна граница: «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» начинается после завершения блока «Сведения о личности»;

б) блок «Основание правовой квалификации» в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» находится в заключении речи (последние два предложения); в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» данный блок завершает основную часть речи.

Выводы. Несмотря на некоторые различия в построении двух проанализированных нами обвинительных речей, можно сделать вывод о том, что оба выступления отличаются безупречной логичностью изложения, убедительной и тщательно продуманной аргументацией, построенной на объективном рассмотрении доказательств и мастерском анализе психологического состояния участников процессов.

С.А. Котельникова утверждает, что судебный оратор должен учитывать при построении речи три условия: знать дело в деталях (как его положительные, так и отрицательные стороны), умело пользоваться родным языком (в том числе системой изобразительно-выразительных средств), быть правдивым и искренним [Котельникова, 2011, с. 347]. Проведенный нами анализ показал, что А.Ф. Кони мастерски владеет всеми перечисленными характеристиками.

Несомненно, обвинительные речи А.Ф. Кони являются образцом для подражания начинающим юристам, так как не только соответствуют идеалу, принятому в русской картине мира, но и становятся эффективными: знаменитый судебный оратор, являясь мастером слова, достигает поставленной цели – добивается признания подсудимых виновными в совершенном преступлении, что свидетельствует о высоком уровне его профессионализма. И, как справедливо отмечает З.В. Баишева, «судебные выступления А.Ф. Кони – это своеобразный сплав лексических средств разных стилей, разного происхождения, в котором нет ничего лишнего, все способствует достижению высокой эффективности речи» [Баишева, 2004, с. 10–14].

Библиографический список

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1392 с.
2. Арсеньев К.К. Русское судебное красноречие. А.Ф. Кони // Судебное красноречие русских юристов прошлого. М.: Фемида, 1992. С. 5–45.
3. Артемова Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 24 с.
4. Баишева З.В. Корректность судебного оратора (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони) // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 13–20.
5. Баишева З.В. Логический аспект обвинительной речи (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони) // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: ОГУ, 2006. № 11. С. 102–106.
6. Баишева З.В. Проповедничество как особенность ораторского стиля А.Ф. Кони // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: ОГУ, 2004а. № 10. С. 29–33.
7. Баишева З.В. Слово в речи юриста: на материале судебных выступлений А.Ф. Кони // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004б. № 9. С. 10–14.
8. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007. 47 с.
9. Демидов О.В. Русское судебное красноречие в контексте современности: лингвистический подход (анализ обвинительных речей А.Ф. Кони) // Вести Челябинского университета. Сер. 2: Филология. 1999. № 2. С. 225–230.
10. Катъшев П.А., Князькова Т.В. Эволюция нарративной структуры в речах А.Ф. Кони // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 96–107.
11. Князькова Т.В. Роль нарративной системы в осуществлении авторского замысла (на примере обвинительной речи А.Ф. Кони «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона») // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 130–147.
12. Колесников С.А. Идеал судебной риторики: синтез личного и профессионального совершенствования // Вестник БелЮИ МВД России. 2016. № 1. С. 26–28.
13. Колесников С.А. Культура судебного красноречия в речах А.Ф. Кони как фактор формирования правового сознания общества // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 42–45.
14. Колесников С.А. Многогранный потенциал языковой личности А.Ф. Кони как условие профессионального становления судебного оратора // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 22–27.

15. Кони А.Ф. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. М.Г. Миронова, Л.Г. Миронова. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.
16. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1967. Т. 3: Судебные речи. 535 с.
17. Котельникова С.А. Умение «твердо править словом»: судебные речи русского юриста А.Ф. Кони // Пушкинские чтения. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2011. № 16. С. 345–352.
18. Плотникова Г.Н. Государственные деятели России второй половины XIX начала XX века глазами А.Ф. Кони // Вестник Пермского университета. 2001. Сер.: История. С. 112–117.
19. Тимофеева Л.И. Судебные речи А.Ф. Кони: лингвостилистический аспект // Вестник Марийского государственного университета. 2015. С. 94–98.
20. Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека: учеб. пособие. М.: Флинта, 2018. 135 с.

Сведения об авторах

Пекарская Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: pecar-61@mail.ru

Шпомер Екатерина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: catandre@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-108>

LINGUO-PERSONOLOGICAL ASPECTS IN THE COMPOSITION OF A.F. KONY'S SPEECHES FOR PROSECUTION

I.V. Pekarskaya (Abakan, Russia)

E.A. Shpomer (Abakan, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the description of the linguo-personological aspects of the composition of the famous judicial orator A.F. Koni's speeches for prosecution. The relevance of the problem under consideration is due to the fact that the knowledge of this kind of eloquence helps young professionals acquire the necessary knowledge in creating high-impact speeches for defense or prosecution.

The purpose of this article is to present an attempt to identify and compare the features of the compositional organization of the court accusatory speeches of the named speaker.

Today, disciplines such as linguopersonology, pragmalinguistics, psycholinguistics are actively developing, so many researchers pay attention to linguistic and communicative personalities, including works devoted to the study of the speeches by A.F. Koni (L.I. Timofeeva, Z.V. Baisheva, O.V. Demidov, S.A. Kolesnikov and others). However, in these scientific works there is only a linguo-stylistic analysis of individual speeches or a description of the features of the narrative. This article presents a comparative analysis of the composition of two pragmatically significant speeches by A.F. Koni. This analysis was carried out within the framework of the descriptive method in all its implementations.

The analysis showed that, despite the differences in the construction of the two accusatory speeches, both speeches are distinguished by impeccable logical presentation, convincing and carefully thought-out arguments based on an objective examination of evidence and a masterful analysis of the psychological state of the participants in the proceedings.

Keywords: *linguopersonology, judicial discourse, accusatory speech, impact, composition.*

References

1. Aristotel. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. 1392 s.
2. Arsenev K.K. Russkoe sudebnoe krasnorechie. A.F. Koni // Sudebnoe krasnorechie russkih yuristov proshlogov. M.: Femida, 1992. S. 5–45.
3. Artemova T.V. Narrativ kak komponent ritoricheskoy strategii obvinitel'nyh rechej A. F. Koni: avtoref. diss. kand. filol. nauk / T. V. Artemova. Kemerovo, 2008. 24 s.
4. Baisheva Z.V. Korrektnost' sudebnogo oratora (na materiale obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) / Z.V. Baisheva // Yurislingvistika. 2010. No. 10 (10). S. 13–20.
5. Baisheva Z.V. Logicheskij aspekt obvinitel'noj rechi (na materiale obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 11. S. 102–106.
6. Baisheva Z.V. Propovednichestvo kak osobennost' oratorskogo stilya A.F. Koni // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Orenburg: OGU, 2004a. No. 10. S. 29–33.
7. Baisheva Z.V. Slovo v rechi yurista: na materiale sudebnyh vystuplenij A.F. Koni // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004b. No. 9. S. 10–14.
8. Baisheva Z.V. Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A.F. Koni: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2007. 47 s.

9. Demidov O.V. Russkoe sudebnoe krasnorechie v kontekste sovremennosti: lingvisticheskij podhod (analiz obvinitel'nyh rechej A.F. Koni) // Vesti Chelyabinskogo universiteta. Ser.: 2. Filologiya, 1999. No. 2. S. 225–230.
10. Katyshev P.A., Knyaz'kova T.V. Evolyuciya narrativnoj struktury v rechah A.F. Koni // Yurislolingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. st. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. S. 96–107.
11. Knyaz'kova T.V. Rol' narrativnoj sistemy v osushchestvlenii avtorskogo zamysla (na primere obvinitel'noj rechi A.F. Koni “Po delu ob ubijstve ieromonaha Illariona”) // Yurislolingvistika-8: Russkij yazyk i sovremennoe rossijskoe pravo: mezhvuz. sb. nauch. st. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. S. 130–147.
12. Kolesnikov S.A. Ideal sudebnoj ritoriki: sintez lichnogo i professional'nogo sovershenstvovaniya // Vestnik BelyUI MVD Rossii. 2016. No. 1. S. 26–28.
13. Kolesnikov S.A. Kul'tura sudebnogo krasnorechiya v rechah A.F. Koni kak faktor formirovaniya pravovogo soznaniya obshchestva // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2015. No. 2. S. 42–45.
14. Kolesnikov S.A. Mnogogrannyj potencial yazykovoj lichnosti A.F. Koni kak uslovie professional'nogo stanovleniya sudebnogo oratora // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2018. No. 4. S. 22–27.
15. Koni A.F. Izbrannoe / Sost., vstup. st. i primech. M.G. Mironova, L.G. Mironova. M.: Sov. Rossiya, 1989. 496 s.
16. Koni A.F. Sobranie sochinenij: v 8 t. M.: Yuridicheskaya literatura, 1967. T. 3: Sudebnye rechi. 535 s.
17. Kotel'nikova S.A. Umenie “tverdo pravit' slovom”: sudebnye rechi russkogo yurista A.F. Koni // Pushkinskie chteniya. SPb.: Leningradskoj oblasti “Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina”, 2011. No. 16. S. 345–352.
18. Plotnikova G.N. Gosudarstvennye deyateli Rossii vtoroj poloviny XIX nachala XX veka glazami A.F. Koni // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2001. S. 112–117.
19. Timofeeva L.I. Sudebnye rechi A.F. Koni: lingvostilisticheskij aspekt // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. S. 94–98.
20. Hazagerov G.G., Kornilova E.E. Ritorika dlya delovogo cheloveka: uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2018. 135 s.

About the authors

Pekarskaya Irina Vladimirovna – DSc (Philology), Professor, Russian Philology and Journalism Department, Katanov Khakass State University (Abakan, Republic of Khakassia, Russia); e-mail: pecar-61@mail.ru

Shpomer Ekaterina Andreevna – PhD (Philology), Associate Professor, Russian Philology and Journalism Department, Katanov Khakass State University (Abakan, Republic of Khakassia, Russia); e-mail: catandre@rambler.ru